

Научная статья

УДК 316.6

DOI: 10.18384/3033-6414-2025-4-36-48

ДИСФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ КАК ПРЕДИКТОРЫ АСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ, СОСТОЯЩИХ НА СОЦИАЛЬНОМ СОПРОВОЖДЕНИИ

Никитаев Н. М.¹, Цветкова Н. А.^{1,2,*}

¹ Государственный университет просвещения, г. Москва, Российской Федерации

² Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Москва, Российской Федерации

* Корреспондирующий автор, e -mail: TsvetkovaNA@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.09.2025

После доработки 13.10.2025

Принята к публикации 14.10.2025

Аннотация

Цель. Изучение дисфункциональных семейных эмоциональных коммуникаций у подростков, состоящих на социальном сопровождении и учёте в подразделениях по делам несовершеннолетних (ПДН), в качестве предикторов их асоциального поведения.

Процедура и методы. Психодиагностическая процедура проводилась с применением опросника «Семейные эмоциональные коммуникации» А. Б. Холмогоровой, С. В. Воликовской, М. Г. Сороковой и методики изучения семейной адаптации и сплочённости (FACES-3). Нормальность распределения проверялась комплексом расчётных методов (критерии Шапиро-Вилка и Колмогорова-Смирнова с поправкой Лиллифорса) и графических (Q-Q и коробчатые графики); межгрупповые различия определены с помощью U-критерия Манна-Уитни; корреляционный анализ выполнен по критерию Спирмена; применялся факторный анализ данных.

Результаты. Установлено, что эмоциональными предикторами асоциального поведения (совершения правонарушений, употребления психоактивных веществ, бродяжничества, других антиобщественных действий) у подростков выступают дисфункциональные эмоциональные коммуникации в их семьях (критика, семейный перфекционизм, фиксация на негативе, элиминирование эмоций, сверхвключённость, индуцирование тревоги, ориентация на внешнее благополучие; семейная сплочённость, семейная эмоциональная связь), которые комбинируются в двухфакторную структуру: «эмоциональная дисфункциональность семьи» и «эмоциональное семейное насилие». Для подростков мужского пола наиболее значимым эмоциональным предиктором асоциального поведения является семейный перфекционизм, а для подростков женского пола – дефицит эмоциональной связи в семье при избытке критики и элиминирования эмоций.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты обогащают прикладную и практическую социальную и пенитенциарную психологию. Они предназначены для психологов системы социальной защиты населения, оказывающих помощь дисфункциональным семьям и воспитывающимся в них детям, а также подразделений по делам несовершеннолетних (ПДН); могут использоваться в целях просвещения родителей, заинтересованных в

эмоционально-психологическом благополучии своих детей-подростков; студентами психологических факультетов, курсантами ведомственных вузов ФСИН России и их преподавателями.

Ключевые слова: подростки, состоящие на учёте в ПДН и сопровождении, семейные эмоциональные коммуникации, эмоциональная связь, семейная сплочённость, общий уровень эмоциональных дисфункций, эмоциональные предикторы асоциального поведения, различия, связанные с полом

Для цитирования: Никитаев Н. М., Цветкова Н. А. Дисфункциональные семейные эмоциональные коммуникации как предикторы асоциального поведения у подростков, состоящих на социальном сопровождении // Психологические науки. 2025. № 4. С. 36–48. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-4-36-48>

Original research article

DYSFUNCTIONAL EMOTIONAL FAMILY COMMUNICATIONS AS PREDICTORS OF ANTISOCIAL BEHAVIOR OF ADOLESCENTS RECEIVING SOCIAL SUPPORT

N. Nikitaev¹, N. Tsvetkova^{1,2,*}

¹ State University of Education, Moscow, Russian Federation

² Research Institute of the Federal Penitentiary Service Russia, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author, e -mail: TsvetkovaNA@yandex.ru

Received by the editorial office 28.09.2025

Revised by the author 13.10.2025

Accepted for publication 14.10.2025

Abstract

Aim. To study dysfunctional family emotional communications of adolescents who are socially accompanied and registered in juvenile affairs units as predictors of their antisocial behavior.

Methodology. The psychological diagnostic procedure was performed using the questionnaire “Family Emotional Communications” by A. B. Kholmogorova, S. V. Volikova, M. G. Sorokova and the methodology for studying family adaptation and cohesion (FACES-3). The normality of the distribution was verified by a set of computational methods (Shapiro-Wilk and Kolmogorov-Smirnov criteria with Lillyfors’s correction) and graphical (Q-Q and box graphs); the m-group differences were determined using the Mann-Whitney U-test; correlation analysis was performed using the Spearman criterion; factor analysis of data was applied.

Results. It has been established that the emotional predictors of antisocial behavior (committing offenses, using psychoactive substances, vagrancy, and other antisocial actions) in adolescents are dysfunctional emotional communications in their families (criticism, family perfectionism, fixation on negativity, elimination of emotions, over-involvement, inducing anxiety, orientation to external well-being; family cohesion, family emotional connection) which form the two-factor structure – “emotional dysfunctionality of the family” and “emotional family violence.” For male adolescents, the most significant emotional predictor of antisocial behavior is family perfectionism, and for female adolescents, it is a lack of emotional connection in the family with an excess of criticism and elimination of emotions.

Research implications. The results obtained enrich applied practical social and penitentiary psychology. They can be used by psychologists of the social protection system who help dysfunctional families and children raised in them, as well as juvenile affairs units, by parents interested in the

emotional and psychological well-being of their adolescent children, and by students of psychology faculties, cadets of departmental universities of the Federal Penitentiary Service of Russia and their teachers.

Keywords: adolescents involved in juvenile affairs, family emotional communication, emotional connection, family cohesion, general level of emotional dysfunctions, emotional predictors of antisocial behavior, gender-related differences

For citation: Nikitaev, N. M. & Tsvetkova, N. A. (2025). Dysfunctional Emotional Family Communications as Predictors of Antisocial Behavior of Adolescents Receiving Social Support. In: *Psychological Sciences*, 4, 36–48. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-4-36-48>

ВВЕДЕНИЕ

Изучение дисфункциональных семейных эмоциональных коммуникаций у подростков с асоциальным поведением, состоящих на учёте в подразделениях по делам несовершеннолетних (ПДН) и социальном сопровождении в качестве нуждающихся в социальном обслуживании¹, является одной из задач прикладной социальной психологии, решаемых в рамках разработки проблемы семейных предикторов эмоционального неблагополучия несовершеннолетних.

Его актуальность аргументируется, во-первых, тем, что при всей своей социальной значимости данная тема недостаточно изучена с учётом изменившихся за последние пять лет условий жизнедеятельности россиян. Определённая научно-теоретическая база для её более детальной разработки существует. Накоплен опыт изучения семьи на методологии системного подхода, в развитие которого большой вклад внесли зарубежные исследователи (М. Боуэн, В. Сатир, Дж. Хейли, М. Сельвини-Палаццоли, С. Минухин и др.) и отечественные психологи и психотерапевты (Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис, И. В. Добряков, Н. В. Александрова, А. Я. Варга и др.) [7].

Во-первых, сложились определённые научные предпосылки для того, чтобы из-

учать семьи с детьми-подростками и как малые социальные группы, и как структурное звено социума, т. е. одновременно с позиций обоих подходов – социально-психологического и системного [7]. В довольно многочисленных публикациях современных исследователей по психологии, а также по педагогике и медицине заметна тенденция к сопоставлению данных об эмоциональном состоянии подростков с данными о благополучии / дисфункциональности тех семей, в которых они воспитываются [1; 2; 9 и др.].

Во-вторых, негативные эмоциональные состояния подростков, возникающие под влиянием дисфункциональных семейных эмоциональных коммуникаций, запускают процесс формирования отклоняющегося поведения (негативные эмоции дают дорогу деструктивным действиям). Подростки с неразвитой способностью распознавать и выражать свои эмоции и чувства реализуют их в нецензурной лексике, актах агрессии и разрушения, самоповреждающем поведении, чем и создают большую социальную проблему. Как пишут И. С. Ганишина и С. В. Воробьев, «Проблема правонарушений в подростковой среде является чрезвычайно актуальной для современного общества в целом и для нашей страны в частности» [4]. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 марта 2017 г. № 520-р «Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года», содержащая план мероприятий на 2021–2025 годы по её реализации,

¹ Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп.); вступил в силу 1 января 2015 года; последняя редакция принята 25.12.2023 и вступила в силу с 26.12.2024. URL: <https://clck.ru/3QxHqi> (дата обращения: 10.10.25).

нацеливает на активное внедрение в деятельность психологических служб правоохранительных органов специальных комплексных социально-психологических программ, что будет способствовать более эффективной реабилитации и социализации несовершеннолетних, состоящих на учёте в ПДН»¹. Современные зарубежные учёные [14; 15; 16; 17 и др.], например, китайские социальные психологи К. Джанг и С. Ли также показывают, что эмоциональное неблагополучие обуславливает социальную дезадаптацию, служит предпосылкой выбора подростком асоциального образа жизни, формирования аддиктивного поведения [18]. Однако пока неясно, какие именно дисфункциональные семейные эмоциональные коммуникации в большей степени способствуют формированию асоциального поведения у современных подростков, в том числе дифференцированных по фактору пола. А. Б. Холмогорова, С. В. Воликова и М. Г. Сорокова, рассматривая семью как систему, выделили 7 дисфункциональных семейных эмоциональных коммуникаций – это: перфекционизм, критика, индуцирование тревоги, внешнее благополучие, элиминирование эмоций, фиксация на негативных переживаниях, сверхвключённость. При этом они отметили связь родительского контроля, сверхвключённости, критики с депрессивными и тревожными расстройствами у взрослых пациентов, а также «дефицит исследований специфики семейных дисфункций, влияющих на возникновение разных видов эмоциональных расстройств» [10];

В-третьих, определение характера связи асоциального поведения подростков с определёнными дисфункциональными

эмоциональными коммуникациями в их семьях важно для решения практических задач, стоящих как перед пенитенциарными психологами, так и перед психологами социальной защиты населения, поскольку это знание даёт возможность приблизить содержание специальных комплексных социально-психологических программ для несовершеннолетних, состоящих на социальном сопровождении, к их онтологической реальности, а значит, сделать их более эффективными.

В научных исследованиях эмоционально-психологическое неблагополучие подростков, обусловливающее появление асоциальных актов в их поведении, объясняется тремя главными причинами, связанными с семьёй: 1) эмоциональная депривация, что означает дефицит внимания родителей к эмоциям ребёнка, семейных разговоров о чувствах, недостаток теплоты в общении и поддержки во взаимодействии с ним; 2) психотравмы детства (потеря родителей, дорогих и близких людей, переживание ситуаций насилия); 3) окружающая социальная среда с дефицитом факторов развития эмоциональной компетентности [2; 3; 5; 6; 11; 12 и др.].

Асоциальное поведение подростков учёные связывают с совокупностью факторов, которую составляют: наследственность; особенности нервной системы, темперамента и характера; особенности семьи; особенности тех социальных групп, куда включён ребёнок; особенности ситуаций, в которые он попадает [4; 9; 12 и др.]. Как отмечают В. О. Старикова, М. Г. Дебольский и Д. С. Ошевский, «по разным данным, от 40 до 60% несовершеннолетних правонарушителей имеют те или иные отклонения в психическом развитии. Эти девиации могут варьировать от клинически очерченных форм до заострения некоторых индивидуальных черт» [8, с. 79].

Ошибочно считать, что семью сплачивают только положительные эмоции: члены семьи могут быть не связаны любовью,

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 марта 2017 г. № 520-р «Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214734 (дата обращения: 10.10.25).

но при этом тесно связаны ненавистью. Поэтому при изучении семейных предикторов асоциального поведения важно учитывать особенности эмоциональной связи в семьях подростков, а также семейную сплочённость. Методика изучения этих социально-психологических феноменов предложена ещё в 1985 г. (шкала семейной адаптации и сплочённости, разработанная Д. Ослон, Дж. Портнер и Ю. Лави, в 2002 г. адаптированная Э. Г. Эйдемиллером и М. Ю. Городновой) [13, с. 68–72]. Под семейной сплочённостью её авторы и adeptы понимают степень эмоциональной связи между членами семьи, которые при максимальной выраженности этой связи эмоционально взаимозависимы, при минимальной – автономны и дистанцированы друг от друга [13].

В целом получается, что при достаточно обширной отечественной и зарубежной литературе не только научно-теоретического, но и практического характера¹ проблему семейных предикторов эмоционального неблагополучия подростков всё ещё рано считать исчерпанной. А изучение его связи с дисфункциональными семейными эмоциональными коммуникациями у подростков, состоящих на социальном сопровождении по направлению ПДН, является актуальной задачей современной прикладной и практической социальной психологии.

Цель нашего эмпирического исследования – изучение дисфункциональных семейных эмоциональных коммуникаций у подростков, состоящих на социальном сопровождении и учёте в подразделениях по делам несовершеннолетних (ПДН), в качестве предикторов их асоциального поведения. *Исследовательские задачи.* Предполагалось получить эмпи-

рическим путём: 1) показатели дисфункциональных семейных эмоциональных коммуникаций, проанализировать их; 2) показатели общего уровня семейной сплочённости и её частного компонента – шкалы эмоциональной связи; 3) дифференцировать выборку подростков в зависимости от пола, выполнить сравнительный анализ эмпирических данных и установить достоверность межгрупповых различий; 4) выполнить корреляционный и факторный анализы данных.

Гипотеза: предикторами асоциального поведения у подростков с асоциальным поведением, состоящих на социальном сопровождении в качестве нуждающихся в социальном обслуживании, являются дисфункциональные эмоциональные коммуникации в их семьях (критика, перфекционизм, фиксация на негативе, элиминирование эмоций, перфекционизм, сверхвключённость, индуцирование тревоги, семейное неблагополучие, а также семейная сплочённость, эмоциональная связь в семье), при этом показатели семейных эмоциональных коммуникаций имеют тесную связь с полом и их корреляции в группе мальчиков и группе девочек тоже различны.

ПРОЦЕДУРЫ И МЕТОДЫ

Схема исследования. На начальном этапе была разработана программа эмпирического исследования, участниками которого могли бы стать подростки с асоциальным поведением, состоящие на социальном сопровождении как нуждающиеся в социальном обслуживании, и определена база для её реализации (Москва, ГБУ «Мой семейный центр «Диалог», учредителем которого является Департамент труда и социальной защиты населения города Москвы). Затем было проведено социально-психологическое обследование мальчиков и девочек, посещающих это учреждение, позволившее получить показатели их семейных эмоциональных коммуникаций, эмоциональной связи и семейной сплочённости, а

¹ Подольский А. И., Идобаева О. А. Психология развития. Психоэмоциональное благополучие детей и подростков: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2024. 124 с.; Шульга Т. И. Работа с неблагополучной семьёй: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2025. 213 с.

также ряд объективных данных об испытуемых. После этого совокупная выборка была разделена на две группы по фактору пола (на группу мальчиков и группу девочек) и выполнен межгрупповой сравнительный анализ данных, а также установлена степень достоверности межгрупповых различий. На завершающем этапе выявлялись и анализировались согласования показателей исследуемых характеристик, а также проведён факторный анализ.

Участники исследования. Выборку составили 140 подростков (50 мальчиков и 90 девочек) в возрасте от 13 лет до 15 лет (медиана – 14,6), состоящих на социальном сопровождении в ГБУ «Мой семейный центр «Диалог» города Москвы в соответствии с п. 23.14. «Осуществление социального сопровождения несовершеннолетних, семей с детьми, нуждающихся в социальном обслуживании» Устава данного учреждения¹. Из них: воспитывались в полных семьях – 72 чел. (51,43%); в неполных материнских – 61 чел. (43,57%), опекунских – 5 чел. (3,57%), неполных отцовских – 2 чел. (1,43%); воспитывались в однодетных семьях – 41 чел. (29,28%); двухдетных – 62 чел. (44,29%); многодетных – 37 чел. (26,43%); состояли на учёте в ПДН вследствие совершения правонарушений, употребления психоактивных веществ, бродяжничества или других антиобщественных действий, подозрения или обвинения в совершении преступления, условно-досрочного освобождения – 24 подростка (17,14%); состояли на социальном сопровождении по причине отклонений в поведении и дисфункциональности родительских семей, в которых воспитывались, – 116 подростков (82,86%).

¹ Приказ № 422 от 05.06.2024 об утверждении Устава Государственного бюджетного учреждения города Москвы «Мой семейный центр «Диалог». URL: https://xn--e1aaancaqlcc7aew1d7d.xn--80adx-hks/wp-content/uploads/2020/03/ustav_dialog_2024.pdf (дата обращения: 10.10.25).

В исследовании применялись следующие методики психологической диагностики: 1) опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» А. Б. Холмогоровой, С. В. Воликовой, М. Г. Сороковой [10]; 2) методика изучения семейной адаптации и сплочённости (FACES-3) Д. Олсон, Дж. Портнер, И. Лави в адаптации Э. Г. Эйдемиллера и М. Ю. Городновой (использовалась показатели интегративной шкалы «Общий уровень семейной сплочённости» и её частного компонента – «эмоциональная связь») [13, с. 68–72]. Математико-статистическая обработка эмпирических данных осуществлялась на основе пакета MS Office Excel, IBM SPSS Statistics 23. Нормальность распределения проверялась комплексом расчётных (критерии Шапиро-Вилка и Колмогорова-Смирнова с поправкой Лиллифорса) и графических (Q-Q и коробчатые графики) методов; межгрупповые различия определены с помощью U-критерия Манна-Уитни; корреляционный анализ выполнен по критерию Спирмена; данные подвергались факторному анализу. Выбор критерии обусловлен особенностями распределения исследуемых показателей и типами шкал психодиагностических методик.

РЕЗУЛЬТАТЫ

1. Результаты анализа показателей дисфункциональных семейных эмоциональных коммуникаций в совокупной выборке подростков представлены ниже в таблице 1.

Таблица 1 представляет собой рейтинг показателей дисфункциональных семейных эмоциональных коммуникаций, в котором доминируют «семейный perfectionism», «индуцирование тревоги» и «внешнее благополучие».

При этом обобщённый показатель дисфункциональности семейных эмоциональных коммуникаций является умеренным. Его более детальный анализ показал, что он является низким у 42 испытуемых (или у 30,00% подростков со-

Таблица 1 / Table 1

Показатели дисфункциональных семейных эмоциональных коммуникаций в совокупной выборке подростков, состоящих на социальном сопровождении / Indicators of dysfunctional family emotional communications in the cumulative sample of adolescents receiving social support

Показатели дисфункциональных семейных эмоциональных коммуникаций	Максимально возможное число баллов	Баллы, полученные в совокупной выборке	% от максимально возможного числа баллов
Семейный перфекционизм	9	5,38	59,78
Индукция тревоги	15	8,73	58,20
Внешнее благополучие	9	4,78	53,11
Сверхвключённость	9	4,05	45,00
Элиминирование эмоций	18	7,14	39,67
Фиксация на негативе	9	3,50	38,89
Критика	21	7,74	36,86
Обобщённый показатель дисфункциональности семейных эмоциональных коммуникаций	90	41,11	45,68

Источник: данные авторов.

вокупной выборки), средним – у 81 чел. (57,86%), высоким – у 17 чел. (12,14%).

2. Результаты анализа показателей общего уровня семейной сплочённости и её частного компонента – шкалы эмоциональной связи представлены ниже в таблице 2.

Данные таблицы 2 дают основание полагать, что обследованные подростки эмоционально тесно связаны со своей семьёй, поскольку показатель этой связи относится к области высоких значений (74,20%). При его более детальном анализе обнаружено, что общий уровень

эмоциональной связи является низким у 9 подростков (6,43% всей выборки); средним – у 47 чел. (33,57%); высоким – у 84 чел. (60,0%).

Показатель общего уровня семейной сплочённости явно тяготеет к высокому уровню. В результате его детального анализа в совокупной выборке удалось определить уровни семейной сплочённости и выделить типы семей испытуемых: разобщённая семья – 46 чел. (32,86%); разделённая семья – 33 чел. (23,57%); связанные семья – 32 чел. (22,86%); сцепленная семья – 29 чел. (20,71%).

Таблица 2 / Table 2

Показатели эмоциональной связи и семейной сплочённости у подростков, состоящих на социальном сопровождении / Indicators of emotional connection and family cohesion among adolescents receiving social support

Показатели эмоциональной связи и семейной сплочённости	Максимально возможное число баллов	Баллы, полученные в совокупной выборке	% от максимально возможных баллов
Эмоциональная связь	15	11,13	74,20
Общий уровень семейной сплочённости	50	35,00	70,0

Источник: данные авторов.

3. Результаты сравнительного анализа эмпирических данных, полученных в группе мальчиков и группе девочек представлены ниже в таблице 3.

В таблице 3 наблюдается лишь одно высоко значимое межгрупповое различие – в показателях эмоциональной связи в семье ($U = 1714,0$ при $p \leq 0,019$), которые достоверно выше у мальчиков.

Проведение корреляционного анализа позволило получить следующие результаты (табл. 4).

Данные, содержащиеся в таблице 4, позволяют заметить основное межгрупповое различие: в группе мальчиков достоверных корреляционных связей больше, но у девочек, хоть и меньше их, однако они существенно теснее.

Факторный анализ данных. В результате его применения выделено два эмоциональных семейных фактора, выступающих предикторами асоциаль-

ного поведения подростков: I фактор – «Эмоциональная дисфункциональность семьи», объединивший: элиминирование эмоций (0,828), т. е. подавление нежелательных эмоциональных реакций, установление контроля над ними; критику (0,811), отсутствие семейной сплочённости (-0,759), отсутствие эмоциональной связи в семье (-0,725), общий уровень семейных эмоциональных дисфункций (0,703), стремление к внешнему благополучию (0,536); II фактор – «Эмоциональное семейное насилие», включивший четыре дисфункциональных семейных эмоциональных коммуникации: индуцирование тревоги (0,718), сверхвкллючённость (0,672), фиксацию на негативе (0,662) и семейный перфекционизм (0,617), что означает склонность ставить перед членами семьи самые высокие цели и жёстко контролировать их достижение.

Таблица 3 / Table 3

Показатели семейных эмоциональных коммуникаций в группах подростков мужского и женского пола и их межгрупповых различий / Indicators of family emotional communication in groups of male and female adolescents and their intergroup differences

№ п/п	Изучаемые характеристики	Сравниваемые группы		Достоверность и значимость различий	
		Мальчики	Девочки	U	P
		баллы			
Семейные эмоциональные коммуникации					
1.	Критика	7,78	7,72	2163	0,703
2.	Индуцирование тревоги	8,68	8,76	2227	0,918
3.	Элиминирование эмоций	7,28	7,07	2167	0,715
4.	Фиксация на негативе	3,66	3,41	2059	0,400
5.	Внешнее благополучие	4,58	4,89	2086	0,472
6.	Сверхвкллючённость	4,32	3,90	2046	0,369
7.	Семейный перфекционизм	5,66	5,22	1987	0,247
8.	Общий уровень дисфункциональности семейных эмоциональных коммуникаций	41,96	40,64	2143	0,640
9.	Эмоциональная связь	11,86	10,72	1714**	0,019
10.	Общий уровень семейной сплочённости	36,34	34,26	1945	0,184

** уровень достоверности различий $p \leq 0,01$ (высокий уровень значимости)

Источник: данные авторов.

Таблица 4 / Table 4

Значимые результаты корреляционного анализа эмпирических данных, полученные в группе мальчиков и девочек / Significant results of correlation analysis of empirical data obtained in the group of boys and girls

Шкалы семейной сплочённости	С чем коррелируют	Коэффициент корреляции	
		По группе мальчиков	По группе девочек
Эмоциональная связь	Критика	- 0,303*	- 0,566***
	Эlimинирование эмоций	- 0,492***	- 0,644***
	Внешнее благополучие	-0,397**	-0,097
	Семейный перфекционизм	0,355**	0,116
	Общий уровень дисфункциональности семейных эмоциональных коммуникаций	- 0,283*	- 0,338***
Общий уровень семейной сплочённости	Критика	- 0,391**	- 0,593***
	Эlimинирование эмоций	- 0,559***	- 0,677***
	Внешнее благополучие	-0,436**	-0,175
	Семейный перфекционизм	0,418**	0,109
	Общий уровень дисфункциональности семейных эмоциональных коммуникаций	- 0,314*	- 0,350***

Источник: данные авторов.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Полученные результаты позволяют вынести на обсуждение следующие положения:

1) в рейтинге показателей дисфункциональных эмоциональных коммуникаций в семьях подростков пикирует «семейный перфекционизм», от которого несколько отстают «индуцирование тревоги» и «внешнее благополучие»; замыкает его «критика». Более 12% совокупной выборки составили подростки из семей с высоким общим уровнем эмоциональной дисфункциональности, 30% – с низким, при этом показатель общего уровня семейной эмоциональной дисфункциональности по выборке в целом средний;

2) результаты анализа семейной сплочённости и эмоциональной связи показали, что около 33% подростков со-вокупной выборки воспитываются в семьях разобщённого типа, несколько более 23% – в семьях разделённого типа, около 23% – в семьях связанного типа и около 21% – в семьях сцепленного типа. Благоприятными психологическими ти-

пами семьи являются разделённые и связанные семьи – в совокупной выборке доля подростков, принадлежащих к ним, составила чуть более 46%. Большая часть подростков (60%) эмоционально очень тесно связана со своей семьёй, и в совокупной выборке показатель этой связи (11 баллов из 15 возможных) является довольно высоким;

3) в результате сравнительного анализа эмпирических данных, полученных в группе мальчиков и группе девочек, по 10 показателям семейных эмоциональных коммуникаций выявлено лишь одно высоко значимое различие, связанное с полом, – эмоциональная связь, показатели которой достоверно выше в семьях, где воспитываются мальчики;

4) путём корреляционного анализа установлено, что:

– в группе мальчиков показатели эмоциональной связи статистически значимо согласуются с показателями критики и общего уровня дисфункциональности семейных эмоциональных коммуникаций, более значимо – с внешним благо-

получием и семейным перфекционизмом и очень тесно – с элиминированием эмоций. Причём эти корреляции эмоциональной связи носят обратной характер (т. е. её высокие показатели значимо согласуются с их низкими показателями и наоборот); исключение составил перфекционизм, который имеет с ней прямые корреляции (высокие показатели первой тесно согласуются с высокими показателями второго, низкие – с низкими);

– в группе мальчиков показатели общего уровня семейной сплочённости статистически значимо согласуются с показателями общего уровня дисфункциональности семейных эмоциональных коммуникаций, более значимо – с показателями критики, внешнего благополучия и перфекционизма и очень тесно – с элиминированием эмоций. При этом его прямые корреляции зарегистрированы только с перфекционизмом;

– в группе девочек выявлены три очень тесных обратных согласований показателей семейной эмоциональной связи с показателями критики, элиминирования эмоций и общего уровня дисфункциональности семейных эмоциональных коммуникаций, а также три столь же тесных обратных согласований показателей общего уровня семейной сплочённости с показателями этих же эмоциональных семейных дисфункций;

– в группе мальчиков достоверных корреляционных связей больше, но у

девочек, хоть их и меньше, все они очень тесные;

– вероятно, что в группе мальчиков семейная эмоциональная связь и семейная сплочённость способствуют ослаблению критики, элиминирования эмоций, ориентации на внешнее благополучие и снижению общего уровня дисфункциональности семейных эмоциональных коммуникаций, однако они же усиливают семейный перфекционизм;

– вероятно, что в группе девочек тесная семейная эмоциональная связь и семейная сплочённость способствуют

уменьшению критики и элиминирования эмоций, а также снижению общего уровня дисфункциональности семейных эмоциональных коммуникаций;

– если учесть тот факт, что показатели эмоциональной связи достоверно выше в семьях, где воспитываются мальчики, то возможно сделать вывод: подростки мужского пола с асоциальным поведением больше страдают от семейного перфекционизма, а их сверстницы с таким же поведением – от дефицита эмоциональной связи при избытке критики в их адрес и элиминировании эмоций;

5) факторный анализ показал, что эмоциональными предикторами асоциального поведения подростков выступают два фактора, основным из которых является «Эмоциональная дисфункциональность семьи», а дополнительным – «Эмоциональное семейное насилие», проявляющееся совокупностью способов, а именно: индуцирование тревоги, сверхвключённость, фиксация на негативе и семейный перфекционизм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вынесенные на обсуждение положения позволяют сделать нижеследующее заключение: полученные результаты подтвердили предположение о том, что предикторами асоциального поведения у обследованных подростков с асоциальным поведением, состоящих на социальном сопровождении в качестве нуждающихся в социальном обслуживании, являются дисфункциональные эмоциональные коммуникации в их семьях (как общий уровень дисфункциональности эмоциональных семейных коммуникаций, так и его частные компоненты – критика, семейный перфекционизм, элиминирование эмоций, ориентация на внешнее благополучие, которые имеют тесные согласования с семейной эмоциональной связью и общим уровнем семейной сплочённости). Что касается различий, связанных с полом, то установлено, что эмоциональная связь достоверно выше в

семьях, где воспитываются мальчики; в группе мальчиков отмечены 10 достоверных корреляционных связей между показателями исследуемых характеристик, в то время как у девочек их 6, однако все они очень тесные, т. е. группы, выделенные из совокупной выборки по половому признаку, на первый взгляд кажутся больше сходными, чем различными. Тем не менее в работе с родителями мальчиков акцент следует делать на принятие ими их реального ребёнка, чтобы таким образом ослабить эмоциональную дисфункцию «семейный перфекционизм», а в работе с родителями девочек – на укрепление детско-родительской эмоциональной связи, в частности, на исключение критики ребенка и элиминирования его эмоций.

Полученные результаты обогащают прикладную и практическую социальную и пенитенциарную психологию. Они предназначены для психологов системы

социальной защиты населения, оказывающих помощь дисфункциональным семьям и воспитывающимся в них детям, для сотрудников уполномоченных организаций по вопросам опеки и попечительства и подразделений по делам несовершеннолетних (ПДН); могут использоваться в целях просвещения родителей, заинтересованных в эмоционально-психологическом благополучии своих детей-подростков; студентами, курсантами ведомственных вузов ФСИН и их преподавателями. Например, на основе изложенных выше результатов могут быть разработаны коррекционно-развивающие программы для подростков и их родителей, состоящих на социальном сопровождении в качестве нуждающихся в социальном обслуживании, нацеленные на снижение уровня семейной эмоциональной дисфункциональности и эмоционального семейного насилия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бекова М. Р., Арсакаева Х. С., Килаев И. Ю. Роль семьи в эмоционально-личностном развитии подростков // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 6 (97). С. 323–325. DOI: <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-697-323-326>.
2. Бочанцева Л. И. Формирование эмоционального благополучия у подростков из дисфункциональных семей // Педагогический имидж. 2024. № 3. С. 395–409. DOI: <https://doi.org/10.32343/2409-5052-2024-18-3-395-409>.
3. Быкова Е. А., Истомина С. В. Особенности психоэмоционального состояния подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 4 (107). С. 213–216.
4. Ганишина И. С., Воробьев С. В. К вопросу о психологических особенностях подростков, состоящих на учёте в подразделениях по делам несовершеннолетних // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 3. С. 21–24. DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2022-3-21-24>.
5. Игнатович С. С., Магдалинова Ю. Д., Мамбеталина А. С. Психологические особенности развития эмоциональной сферы подростков // Педагогика: история, перспективы. 2023. № 6 (1-2). С. 170–191. DOI: <https://doi.org/10.17748/2686-9969-2023-6-1-2-170-191>.
6. Кузнецова Е. В. Коррекция эмоционального неблагополучия подростков средствами тренинговой работы // Вестник экспериментального образования. 2023. № 1 (34). URL: <http://www.prapacademy.ru> (дата обращения: 10.10.25).
7. Никитаев Н. М., Цветкова Н. А. Эмоциональное неблагополучие подростков из дисфункциональных семей как предмет научного исследования // Вестник университета. 2024. № 9. С. 250–258. DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-9-250-258>.
8. Старикова В. О., Дебольский М. Г., Ошевский Д. С. Черты «асоциальной личности» у несовершеннолетних правонарушителей // Психология и право. 2017. № 4 (7). С. 79–91. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070407>.
9. Терегулова О. А. Асоциальное поведение несовершеннолетних: причины и условия возникновения // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. № 4. С. 125–128. DOI: [10.24411/2658-638X-2020-10127](https://doi.org/10.24411/2658-638X-2020-10127).

10. Холмогорова А. Б., Воликова С. В., Сорокова М. Г. Стандартизация опросника «Семейные эмоциональные коммуникации» // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. № 4. С. 97–125. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240405>.
11. Червов Т., Усманова М. Н. Психологические условия эмоционального благополучия подростков // Science and Education. 2023. № 4 (11). С. 349–357.
12. Шульга Т. И. Удовлетворённость взаимоотношениями и потребностью в принадлежности подростков с родителями в условиях цифровизации // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2025. № 2. С. 91–105. DOI: 10.18384/2949-5105-2025-2-91-105.
13. Эйдемиллер Э. Г., Добряков И. В., Никольская И. М. Семейный диагноз и семейная психотерапия. СПб.: Речь, 2006. 352 с.
14. Bailen N. H., Green L. M., Thompson R. J. Understanding Emotion in Adolescents: A Review of Emotional Frequency, Intensity, Instability, and Clarity // Emotion Review. 2019. Vol. 11. № 1. P. 63–73. DOI: 10.1177/1754073918768878.
15. Obeldobel C. A., Brumariu L. E., Kerns K. A. Parent-Child Attachment and Dynamic Emotion Regulation: A Systematic Review // Emotion Review. 2023. Vol. 15. № 1. P. 28–44. DOI: 10.1177/17540739221136895.
16. Ding R., He W., Wang Q. Communicating Emotional Distress Experienced By Adolescents Between Adolescents and Their Mothers: Patterns and Links with Adolescents' Emotional Distress // Journal of Affective Disorders. 2022. № 1 (298). P. 35–46. DOI: 10.1016/j.jad.2021.11.051.
17. Hassan D., Hameed M., Hassan U. The relationship between interparental conflict, distress tolerance and emotional dysregulation among adolescents // The International Journal of Learner Diversity and Identities. 2023. Vol. 30. № 2. P. 169–178.
18. Zhang X., Li C. Predictors of Adolescents' Psychological Distress and Internet Addiction: the Role of Interpersonal Stress and School Burnout // Journal of Child and Family Studies. 2023. Vol. 33. P. 1070–1082. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10826-023-02635-8>.

REFERENCES

1. Bekova, M. R., Arsakaeva, H. S. & Kilaev, I. Yu. (2022). The Role of the Family in the Emotional and Personal Development of Adolescents. In: *The World of Science, Culture and Education*, 6 (97), 323–325. DOI: <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-697-323-326> (in Russ.).
2. Bochantseva, L. I. (2024). Formation of the Emotional State in Adolescents from Dysfunctional Families. In: *Pedagogical Image*, 3, 395–409. DOI: <https://doi.org/10.32343/2409-5052-2024-18-3-395-409> (in Russ.).
3. Bykova, E. A. & Istomina, S. V. (2024). Features of the Psychological Emotional State of Adolescents in a Work-Life Situation. In: *The World of Science, Culture and Education*, 4 (107), 213–216 (in Russ.).
4. Ganishina, I. S. & Vorobyov, S. V. (2022). On the Issue of Psychological Characteristics of Adolescents Involved in Juvenile Departments. In: *Psychology and Pedagogy of Service Activity*, 3, 21–24. DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2022-3-21-24> (in Russ.).
5. Ignatovich, S. S., Magdalanova, Yu. D. & Mametalina, A. S. (2023). Psychological Features of the Development of the Emotional Sphere of Adolescents. In: *Pedagogy: History, Prospects*, 6 (1-2), 170–191. DOI: <https://doi.org/10.17748/2686-9969-2023-6-1-2-170-191> (in Russ.).
6. Kuznetsova, E. V. (2023). Correction of Emotional Distress in Adolescents by Training Work Method. In: *Bulletin of Experimental Education*, 1 (34). URL: <http://www.ppacademy.ru> (accessed: 10.10.25).
7. Nikitaev, N. M. & Tsvetkova, N. A. (2024). Emotional Distress in Adolescents in Dysfunctional Families as a Subject of Scientific Research. In: *Vestnik Universiteta*, 9, 250–258. DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-9-250-258> (in Russ.).
8. Starikova, V. O., Debolsky, M. G. & Oshevsky, D. S. (2017). Traits of an “Asocial Personality” in Juvenile Offenders. In: *Psychology and Law*, 4 (7), 79–91. DOI: 10.17759/psylaw.2017070407 (in Russ.).
9. Teregulova, O. A. (2020). Antisocial Behavior of Minors: Causes and Conditions of Occurrence. In: *Psychology and Pedagogy of Service Activity*, 4, 125–128. DOI: 10.24411/2658-638X-2020-10127 (in Russ.).
10. Kholmogorova, A. B., Volikova, S. V. & Sorokova, M. G. (2016). Standardization of the Questionnaire Called “Family Emotional Communications”. In: *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 24, 4, 97–125. DOI: 10.17759/cpp.2016240405 (in Russ.).

11. Chervov, T. & Usmanova, M. N. (2023). Psychological States of Emotional Development of Adolescents. In: *Science and Education*, 4 (11), 349–357 (in Russ.).
12. Shulga, T. I. (2025). Satisfaction with Limitations and Parental Affection of Adolescents with Parents in the Context of Digitalization. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: Psychological Sciences*, 2, 91–105. DOI: 10.18384/2949-5105-2025-2-91-105 (in Russ.).
13. Edemiller, E. G., Dobryakov, I. V. & Nikolskaya, I. M. (2006). *Family Diagnosis and Family Psychotherapy*. St. Petersburg, Rech publ. (in Russ.).
14. Bailen, N. H., Greene, L. M. & Thompson, R. J. (2019). Understanding Emotions in Adolescents: A Review of the Frequency, Intensity, Instability, and Clarity of Emotions. In: *Emotion Review*, 11, 1, 63–73. DOI: <https://doi.org/10.1177/1754073918768878>.
15. Obeldobel, K. A., Brumariu, L. E. & Kearns, K. A. (2023). Parent-Child Attachment and Dynamic Emotion Regulation: A Systematic Review. In: *Emotion Review*, 15, 1, 28–44. DOI: <https://doi.org/10.1177/17540739221136895>.
16. Ding, R., He, W. & Wang, Qu. (2022). Transmission of Adolescent Emotional Distress Between Adolescents and Their Mothers: Patterns and Links with Adolescent Emotional Distress. In: *Journal of Affective Disorders*, 1 (298), 35–46. DOI: 10.1016/j.jad.2021.11.051.
17. Hassan, D., Hamid, M. & Hassan, U. (2023). Relationships Between Interparental Conflict, Distress Tolerance, and Emotional Dysregulation in Adolescents. In: *International Journal of Student Diversity and Identity*, 30, 2, 169–178.
18. Zhang, S. & Li, Q. (2023). Predictors of Psychological Stress and Internet Addiction in Adolescents: The Role of Interpersonal Stress and School Burnout. In: *Journal of Child and Family Studies*, 33, 1070–1082. DOI: <https://doi.org/101007/s10826-023-02635-8>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Никитаев Никита Михайлович (г. Мытищи) – аспирант кафедры социальной и педагогической психологии Государственного университета просвещения;
ORCID: 0009-0002-5472-9895; e-mail: nikitaev.nikita@mail.ru

Цветкова Надежда Александровна (г. Москва) – доктор психологических наук, доцент, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний (ФКУ НИИ ФСИН России); профессор кафедры социальной и педагогической психологии Государственного университета просвещения;
ORCID: 0000-0003-0967-205X; e-mail: TsvetkovaNA@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikita M. Nikitaev (Mytishchi) – Postgraduate Student, Department of Social and Educational Psychology, Federal State University of Education;
ORCID: 0009-0002-5472-9895; e-mail: nikitaev.nikita@mail.ru

Nadezhda A. Tsvetkova (Moscow) – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Chief Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service Russia; Prof. of Department of Social and Educational Psychology, Federal State University of Education;
ORCID: 0000-0003-0967-205X; e-mail: TsvetkovaNA@yandex.ru